

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОУ ВПО ЛНР «ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО»
КАФЕДРА РУССКОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ**

Материалы научной конференции

(18 апреля 2018 г.)

Луганск

2018

УДК 821.161.1' 06 (06)

ББК 83.3 (2Рос) 6, 0я43

Р 89

Рецензенты:

Соболева И.А. – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Ширина О.А. – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков с латинским языком и медицинской терминологией ГУ ЛНР «Луганский государственный медицинский университет им. Святителя Луки».

Зайцева И.П. – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия имени М. Матусовского».

Р 89

Русская литература на рубеже тысячелетий : проблемы изучения и развития : материалы научной конференции. – (Луганск, 4 апреля 2017 года) / под ред. : Л.В. Черниенко. – Луганск : 2017. – 132 с.

В сборник «Русская литература на рубеже тысячелетий: проблемы изучения и развития» включены статьи, основанные на сообщениях и докладах, представленных на университетской научной конференции с международным участием «Русская литература на рубеже тысячелетий: проблемы изучения и развития» (4 апреля 2017 г.)

Материалы отражают проблемы современного литературного процесса и вопросы, связанные с традициям классиков XX столетия, в произведениях рубежа тысячелетий. Сборник адресован широкому кругу читателей: вузовским преподавателям, школьным учителям, аспирантам, магистрантам, студентам.

УДК 821.161.1' 06 (06)

ББК 83.3 (2Рос) 6, 0я43

© Коллектив авторов, 2017

© ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В. НАБОКОВ В ОЦЕНКЕ З. ШАХОВСКОЙ

Мемуары об одних и тех же людях и событиях часто разнообразны и противоречивы, потому что память не фотографический аппарат, а воспоминание не снимок. Память нечто очень личное, субъективное, она питается зрением и слухом мемуариста и, самое главное, не чужда творчеству. В области воспоминаний не следует искать достоверности, примеров святости или добродетелей, зато мы узнаем из них крупицу тайны творчества и трагедии исключительности. Такова точка зрения на мемуары кн. Зинаиды Алексеевны Шаховской, поэта, прозаика, автора воспоминаний о писателях Русского Зарубежья: Бунине, Ремизове, Цветаевой, Замятине, Ходасевиче, Тэффи и др. [1, с. 116–117].

Особое место в наследии Шаховской занимает книга «В поисках Набокова» (Париж, 1979). Мемуаристке довелось встречаться и дружить со многими известными писателями, но ни о ком не возникло желание написать книгу. Только о Набокове, потому что он загадочен, он «бросил вызов своим читателям и почитателям, загромождая к себе доступ, и расставил ловушки для исследователей – пусть посетители спотыкаются. Набоков скрыт под разными личинами, масками, «отыскать “глубинную” набоковскую правду – нельзя, но приблизиться к ней можно», считает мемуаристка, тем более что его правда всегда двусмысленна, к ней примешана ложь, и «тут если не моральный изъясн Набокова, то его психологический выверт» [там же].

Набоков опубликовал в эмигрантском журнале «Русская мысль» объявление, что хотел бы приобрести написанные им письма. По предположению Шаховской, приобрести для того, чтобы их уничтожить «как слишком откровенно раскрывающие его предамериканское существование и вообще его

демистифицирующие» [1, с. 12]. По слухам, черновики своих рукописей он также уничтожал, поэтому неудивительно, что в предисловии к своему переводу «Евгения Онегина» Набоков пишет: «Художник должен был бы безжалостно уничтожать свои рукописи после их напечатания, дабы они не могли ввести в заблуждение академическую посредственность и позволить им думать, что, изучая забракованные (отброшенные) тексты, они могут раскрыть (размотать) тайны гения» [цит. по: 1,12]. Позиция Шаховской совершенно иная: «тайны гения не только по черновикам, но и вообще разгадать невозможно», отсюда и название книги – “В поисках Набокова”, игравшего при жизни и посмертно играющего с читателями в прятки» [там же]. Шаховская строит свою книгу, основываясь на личном общении с писателем, его письмах к ней (их у неё 64), копиях писем Набокова к другим, его юношеских стихах, эпиграммах, рассказах людей, знавших его в России и эмиграции, и, конечно, на глубокой, нелюбимой интерпретации творчества Набокова, ведь «жизнь писателя неотделима от его творчества», «они необходимо складываются вместе» и «нельзя понять его произведения, игнорируя его биографию» [1, с. 10, 11]. Отсюда не чисто воспоминательный, а и исследовательский характер книги Шаховской, многообразие затронутй проблематики.

Одна из загадок личности Набокова – а общее мнение твердило о его равнодушии и бессердечии – является главным нервом книги. Знакомство в 1932 году и последующая переписка стали радостью для Шаховской и её мужа С.С. Малевского-Малевича: «радость эта была не только чисто интеллектуальным удовольствием общения с талантливым и образованным писателем, но и теплая радость видеть прелестного и живого человека, с которым никогда не было скучно и всегда свободно и весело» [1, с. 13]. Набокову не было свойственно барство, в нем не было ничего помещичьего, московского, то есть старорусской простоты, «он был очень ярко обозначенной столичной, петербургской “штучкой”» [1, с. 14]. Ему были присущи врожденная элегантность, остроумие, демократичность и доверительность в общении, дружественная гостеприимность, обязательность, заботливость, признательность. «Несмотря на свою невероятную литературную загруженность – он говорил, что писал иногда в день по 15-20 страниц, случалось, и в ванной

комнате на доске, положенной на ванну, за неимением удобного письменного стола, – обременённый заботами, переговорами с издателями, турне с “чтениями”, Набоков успевал писать Шаховской длинные и обстоятельные письма в продолжение восьми лет, с 1932 по 1940 годы [1, с. 16]. Словом, «очарование Владимиром» было полным.

Шаховская сохраняет ценные черты жизни и творчества Набокова в Европе: участие в литературных чтениях, которые давали крохи для существования, пушкинских торжествах 1937 года, история создания рассказа «Мадемуазель О.» и статьи «Правда и правдоподобие», круг чтения Набокова с 1933 по 1940 годы, самооценки перевода романа «Отчаяние» на английский, рассказов «Весна в Фиальте» и «Облако, озеро, башня», резкое неприятие советской беллетристики, включая А. Толстого и Л. Леонова, и мн. др. Мемуаристка повествует о беспросветной нужде Набокова, о гонорарах, которых хватало разве что на то, чтобы не умереть с голоду, пытается объяснить причины такого скромного успеха Набокова в Европе. Казалось бы, «Сирин, с его западной культурой и его оригинальностью, с его замысловатостью, должен был себе тут найти читателей... Может быть, здесь сыграло роль то, что, если Бунин для западных читателей был слишком русским, Сирин был, или казался им, слишком западным писателем» [1, с. 27–28].

Однако Россия долго держала «западного» писателя Набокова, она «настойчиво и цепко пробивается в стихах, рассказах, романах Набокова. Сперва как что-то предельно живое, затем отмирающее – как эхо давно прозвучавшего голоса и, наконец, входит в открытую и тайную мифологию, Градом Китижем, Атлантидой, потерянным Эдемом. Она населяется тенями, которые только память и может оживить. Она Зоорландия и Зембля» [57]. По мнению Шаховской, маска американского писателя не к лицу Набокову, все его творчество пронизано Россией. То мельнут «призрак русского бульвара» и «опушка русского парка», то «чуть зримое сияние» России и её «полыхающий сумрак». Ганин («Машенька») и Мартын («Подвиг») мечтают вернуться в Россию, это явно биографическая черта, подтвержденная воспоминаниями Набокова. Ключевые темы творчества Набокова –

темы бегства, страха, памяти, обмана, смерти – безусловно имеют русские корни, это «тени его изгнаннического сна» [1, с. 60–61].

Вместе с тем набоковская Россия – «очень закрытый мир, с тремя персонажами – отец, мать и сын Владимир», в этом мире нет ни мужиков, ни мещан. «Мячик, закатившийся под нянин комод, – замечает Шаховская, – играет большую роль, чем сама няня» [63, 64]. Набокову не свойственны участие или соучастие в судьбе его родины и народа, жалость к его соотечественникам. Набоков «предан был только своей личной свободе», у него «роман с его собственной Россией», с русской культурой, его воспитавшей. Его родина – это Пушкин. И «пение пушкинских стихов», и Русский язык – это «единственное его достояние на “других берегах”», пишет мемуаристка. «Эта ограничительная Россия – Эдем, из которого Набоков был изгнан, его королевство» [1, с. 64].

В своей книге Шаховская ставит весьма существенные вопросы: «чем стал Сирий, превратившись в Набокова», почему Набоков воспринимался окружающими как «двуликий Янус», в чем причины такой эволюции, как она отразилась в творчестве? [1, с. 20, 42]. Окончательные ответы, конечно, невозможны, загадка, тайна Набокова остается, но «поиски Набокова», которые ведет Шаховская, действительно затрагивают нервные центры личности и творчества писателя.

Набоков определял себя как «безбожника с вольной душой». Однако он был крещён православным, учился Закону Божьему, посещал церковь, исполнял её обряды. С годами Набоков как будто «всё больше становился агностиком – и даже воинствующим антицерковником. Параллельно развивалась и его достоевскофобия» [1, с. 84]. Шаховская прослеживает постепенное отчуждение Набокова от верующих и приходит к выводу: «Отчуждение от духовного идет у Набокова с необыкновенной яркостью и в конце жизни дойдет до какого-то потустороннего страха или отвращения от всего, что связано с христианством» [там же]. И это при том, что рядом с Набоковым, переживая общую для всех русских эмигрантов судьбу, творили Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин и другие русские религиозные философы, оказывая существенное воздействие на литературу Русского Зарубежья. Одна из причин набоковского неверия, по предположению

мемуаристики, – это гордость [1, с. 88]. В своей «Парижской поэме» (1943) Набоков высказался вполне определенно:

Смерть еще далека (послезавтра я

всё продумаю), но иногда

сердцу хочется “автора, автора”.

В зале автора нет, господ.

Еще одним тревожным для Шаховской симптомом превращения Сирина в Набокова стали «обозначившаяся почти сразу виртуозность и всё нарастающая насмешливая надменность по отношению к читателю, но главное – его намечающаяся бездуховность». Конечно, столь высокие требования Шаховская предъявляла к Набокову как «писателю русскому», ведь «русскую большую литературу от западной всегда отличало что-то существенное, отличались и русские читатели от читателей западных». Это различие состояло не только в требовании художества, но и добрых чувств, против которых как источника творчества не раз возражал Набоков. Именно в этом контексте, пишет Шаховская, «понятно бунинское зоркое определение Набокова как “чудовища” (“Но какой писатель!” – добавлял Бунин)» [1, с. 23].

В письме к Шаховской от 19.IX. 34 Набоков выражает опасение, что она на ложном пути и не отдает себе отчета, «что к писанию прозы и стихов не имеют *никакого* отношения (подчеркнуто в тексте) добрые человеческие чувства, или турбины, или религии, или духовные запросы», или “отзыв на современность”» [там же]. В 1936 году Набоков снова возвращается к этому вопросу: “Единственное важное – это то, хорошо ли написана книга или плохо, – а что до того, прохвост ли автор или добродетельный человек – то это совершенно неинтересно” [1, с. 24]. И хотя Шаховская возражает достаточно убедительно, Набоков стоит на своем: «Да, я остаюсь при своем мнении: грешен, люблю литературу и не терплю примеси к ней».

И просит не сердиться «на закоренелого язычника» [1, с. 24–25]. Взгляды Набокова не изменились и позже, для него «важно, *как* написано, а не *что* написано». В 1952 году в письме к профессору А. Парри Набоков писал: «Кто бы ни был автор, мой подход к нему определён литературный. Я не интересуюсь политическими аспектами, политическими взглядами или же случайным значением этих взглядов для ситуаций текущего дня» [1, с. 25].

Творчество Гоголя для Набокова, «как и всякое великое литературное достижение, феномен языка, а не идей» [70]. Шаховская не согласна с Набоковым, будто обличение пошлости не имеет отношения к морали: пошлость, конечно, имморальна, «для Набокова же она только антиэстетична». Образцом пошлости Набоков считает Полония, Короля и Королеву в «Гамлете», Рудольфа и Омэ в «Мадам Бовари», молодого Блока у Пруста, Каренина у Толстого, Марион Блум у Джойса. Этот список может быть дополнен Чичиковым, первым в великолепной коллекции пошляков из «Мертвых душ». Для Набокова пошлость – преступление против художественного вкуса, антитворчество. По мнению Шаховской, для подтверждения своих эстетических взглядов Набоков просто «выворачивает» Гоголя, максимально приближает его к себе [1, с. 70–71].

Мемуаристка высказывает предположение, что такая эстетическая непримиримость Набокова всячески поддерживалась его женой Верой Евсеевной (урожденной Слоним), которая, по-видимому, присутствовала на всех встречах Набокова с журналистами и писателями и, обладая твердым и повелительным характером, «свой узкосемейный круг – жена, муж, сын – считала самодовлеющим, замкнутым миром и единственным для В., писателя, необходимым. Другие допускались в него по необходимости и под её контролем». На долгие годы Вера Евсеевна стала для Набокова его *alter ego*, и – случай редчайший – «в переизданиях своих книг В., постфактум, приписал своей жене посвящения, которых не было в первых изданиях». Итоговый вывод, к которому приходит мемуаристка, парадоксален и нуждается в дальнейшем изучении: «Участие её в творчестве В. уже тогда было неоспоримо, и я думаю, во всей истории русской литературы не найдется ему примера. Неизмеримо скромнее была роль, скажем, С.А. Толстой или

А.Г. Достоевской» [10, 31, 42]. Более того, с годами единство писателя и его жены «всё подчеркивается в разных интервью, поддерживается свидетелями и... входит в легенду» [1, с. 31, 32].

Список литературы

1. Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. – М., 1991. В дальнейшем при ссылке на это издание указывается страница.
2. См.: Носик Б. Мир и Дар Владимира Набокова: Первая русская биография. – М., 1995.
3. См.: Федоров В.С. О жизни и литературной судьбе Владимира Набокова // Набоков В. Стихотворения и поэмы. – М., 1991. – С.5–16.
4. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. – М., 1996.
5. Наблюдения Шаховской могли бы быть полезны современным исследователям. Так, автор специальной статьи даже не упоминает о связи идеи романтика Жуковского с сюжетно-композиционным строением романа Набокова. См.: Карпов Н.А. «Приглашение на казнь» и «тюремная» литература эпохи романтизма (к проблеме «Набоков и романтизм») // Русская литература. – 2000. – № 2. – С. 203–210.